

DOI 10.31029/vestdnc81/9

УДК 811.359

ПРИЧАСТИЯ ИЛИ ДЕЕПРИЧАСТИЯ? ИЛИ ФОРМЫ ВИДА? (К ИНТЕРПРЕТАЦИИ ФОРМ ПАРАДИГМЫ ГЛАГОЛА В ЯЗЫКАХ СО СЛОВОИЗМЕНИТЕЛЬНОЙ КАТЕГОРИЕЙ ВИДА/АСПЕКТА)

К. Р. Керимов, ORCID: 0000-0003-0550-9984

Дагестанский государственный университет

Обсуждается условный характер обозначения терминами «причастие» и «деепричастие» форм парадигмы лезгинского глагола и их аналогов в английском языке. Прототипически «причастие» и «деепричастие» – это морфологические транспозиты глагола. Лезгинские и английские формы, обозначаемые этими грамматическими ярлыками, таковыми не являются. Их семантические структуры кроме корневых морфем и словоизменительного аффикса имперфективности ничего не содержат. Интерпретировать их логично исходя из формообразовательного статуса категорий вида/аспекта, представленных в этих языках. Обсуждаемые единицы являются только формами вида.

The article touches on the problem of conditional character of nomination of the terms “participle” and “past verbal form” in verbal paradigms of Lezghin and English. By their prehistory, “participle” and “past verbal form” are transposits of the verb. Semantic structures of the past verbal form in Lezghin (with *-z*) and English Participle I (with *-ing*), with the exception of root morphemes and word-changing affix of imperfectiveness, contain nothing else. We can call them authentic definitions, taking into account form-building status of the categories of tense/aspect, represented in these languages. They are just forms of the aspect and nothing else.

Ключевые слова: причастие, деепричастие, формы вида/аспекта, формообразовательная парадигма.

Keywords: participle, past verbal form, forms of tense/aspect, form-building paradigm.

Грамматические ярлыки обладают сильным интерпретационным потенциалом – они способны приписать в метаязыковом сознании обозначаемым ими словоформам признаки прототипических. Термины «причастие», «деепричастие» связаны с семантическими структурами единиц, в которых их адъективная или адвербиальная функции кодированы морфемами. Прототипически это транспозиты глагола, как, например, в русском языке. Они и интерпретируются иногда как отглагольные прилагательные и наречия, поскольку приобретают их семантические признаки. Отнесение же к причастиям и деепричастиям ряда словоформ дагестанских языков, и в частности – лезгинского, опирается только на одну из синтаксических функций. В результате эти глагольные формы не определяются терминами, которые бы отражали именно их морфологическое содержание. Аналогичную неопределенность можно видеть и в интерпретации английского Participle I. Его обозначение термином «причастие» также условно, не случайно эту форму обозначают и дефиницией «причастие-деепричастие».

Речь идет о следующем. В русском причастии морфологически кодирована адъективная функция. Именно поэтому оно не может выступать в адвербиальной функции, как английский Participle I. Этому препятствует семантика русского причастия: частеречный семантический признак детерминирует синтаксические функции. Но адвербиальная функция не противоречит содержанию *-ing*'овой формы английского глагола. Причина в том, что она просто не обладает морфологическими свойствами ни причастия, ни деепричастия: адъективная либо адвербиальная функции в ней семантически не кодированы.

Формы лезгинского глагола, используемые в роли качественно-действенного определения имени и интерпретируемые как причастия, не содержат морфем, придающих глаголу семантику причастия. Отсутствуют такие морфемы и в «собственно причастной форме» [1, с. 100]. К тому же эта

форма трактуется и как «простое прошедшее индикатива», т.е. и она не является словоформой качественно-действенной семантической структуры, свойственной причастиям. Ее содержание схоже с содержанием Participle II (оно же Past Simple или Past Indefinite) английского языка.

Представляется, что такие единицы парадигмы глагола могли бы иметь свои дефиниции (грамматические ярлыки). Это позволило бы эксплицировать глагольные парадигмы со словоизменительной категорией вида в объяснительной интерпретации. В особенности это касается маркированных видом форм, которые служат основой для всех единиц имперфективного содержания.

В лезгинском это форма т. наз. деепричастия на *-з / -з-*. Термином «деепричастие» ее обозначил еще П.К. Услар [2, с. 136]. В дальнейшем ее определяли и как целевую форму, абсолютив. В [3, с. 78–89] она интерпретируется как форма несовершенного вида (НСВ) словоизменительной категории вида.

В контексте т. наз. основных (т.е. служащих словоизменительными основами) рассматривал деепричастие на *-з* Л.И. Жирков. Из функций этой единицы он приводил ее использование в обстоятельственном и долженствовательном значениях. При этом делал очень существенное для трактовки обсуждаемой формы уточнение: деепричастное значение она выражает при удвоении [4, с. 70–76]. Т.е., без удвоения она не совсем и деепричастие. В [5, с. 106] она именуется абсолютивом, и тоже оговаривается необходимость редупликации для выполнения функции деепричастия. Целевое использование, сходное с таким использованием русского инфинитива, берется за основу ее интерпретации в [6, с. 570–576].

Обозначение формы с аффиксом *-з* дефинициями «деепричастие», «инфинитив», «целевая форма» говорит, как представляется, о том, что по своему морфологическому содержанию она не является ни тем, ни другим, ни третьим. В то же время эта единица способна выполнять синтаксические функции каждого из таких классов словоформ. Называть ее инфинитивом позволяет то, что она употребляется в позиции распространителя при глаголах. Напр.: *не-з гатлумна* ‘принялся есть’; *члугва-з ктхъанва* ‘повалился курить’; *лугъу-з хъанач* ‘сказать не решился’ и др. Инфинитив индоевропейских языков называют, исходя из его категориального содержания, «простым, голым выражением идеи действия» [7, с. 143]. Категория вида в лезгинском языке – словоизменительная. Форма на *-з* является маркированной граммемой видовой парадигмы – формой НСВ, и поэтому не может быть «голым выражением идеи действия». Синтаксическую функцию «голового» именованного действия – инфинитива выполняет масдар, переходящий в парадигму имени. Он и выступает в позициях, сходных с употреблением инфинитива русского языка в предложениях типа *Кататься – весело, Курить – здоровью вредить*. Ср. лезг.: *Вуна сивер хуьн хиве кьунвайди туширни?* ‘Ты **поститься** не собирался разве?’; *Хуьруьз хъфин риклик ква* ‘В село **съездить** хочется’. Видовые формы лезгинского глагола являются равноправными членами флективной парадигмы. Такая словоизменительная парадигма не возводима к какой-либо одной, не осложненной формообразовательными значениями, словоформе. В дагестанских языках, как представляется, формирование глагольной парадигмы из аморфного корня идет через формы вида/аспекта. Эти же формы, служащие видовыми основами словоизменительной парадигмы, могут выступать в роли причастий, деепричастий, инфинитивов, а ещё и финитных форм. Напр., глагол *члувьри* ‘косить (сено)’ в хиналугском языке: инфинитив – *Ийулу Каьтиш инк члувьри чахшитармаь* ‘В июле в Хиналуге сено **косить** начинают’; причастие – *Инк члувьри лыгылыр* ‘Сено **косящие** мужчины’; деепричастие – *Инк члувьри-йаь хлаьдму ымзакквармаь* ‘Сено **кося**, мужчина устает’; финитная форма – *Йаь инк члувьри* ‘Я сено **кошу**’; видовая основа финитной формы – *Гъаь джигаб йаь члувьраьтмаь* (< *члувьри-атмаь*) ‘То место я **кошу**’.

По своему категориальному содержанию обсуждаемая форма лезгинского глагола не похожа на инфинитив, т.е. неопределенную форму: она грамматически определена – является формой НСВ

словоизменительной категории вида. Трактовка ее как целевой формы также не имеет достаточных оснований, так как целевые отношения она выражает только в контексте некоторых глаголов перемещения, изменения состояния. В таких контекстах значение цели может выражать и русский инфинитив, однако мы не определяем его целевую форму.

В теоретической и учебной литературе принято определять рассматриваемую форму термином «деепричастие». Но при этом, опять-таки, оговаривается, что для выражения добавочного действия используется редуцированная форма. Напр.: *Раха-з-раха-з хъфена* 'Бормоча (говоря-говоря) ушел'. Одиночная форма воспринимается иначе: *Бубадив раха-з хъфена* 'С отцом говорить ушел'; *Итимар са-сад къарагъи-з, хъфизвай* 'Мужчины по одному, вставая, уходили (точнее: вставали, уходили)'. При обозначении повторяющихся действий одиночная форма на -з выражает не одновременное со сказуемым, а чередующееся с ним действие. В высказываниях типа *Школадиз фи-з хкве-з-ва* 'В школу ходит (идет – возвращается)', *Къачу-з нез-з-ва* 'Берет – ест' и т.п. форма на -з и финитная форма передают следующие друг за другом, а не одновременные действия. При обозначении обсуждаемой единицы термином «деепричастие» метаязыковое сознание принимает ее за словоформу качественно-действенной семантики. Русское деепричастие и вне контекста воспринимается как единица обстоятельственной семантики, например, *читая* – это «как / когда / каким образом». Его лезгинский коррелят *кЪелиз*, тоже трактуемый как деепричастие, так не воспринимается. Ср.: (1) *Завай ви хатлар кЪелиз хъанач* 'Я твой почерк читать не смог'; (2) *кЪелиз кхъизва* 'Читает (и) записывает'; (3) *Вуна вуч кЪелзава (< кЪелиз-ава)?* 'Ты что читаешь?'. Ни в одном из этих примеров *кЪелиз* не воспринимается как словоформа обстоятельственной семантики. Чтобы она так воспринималась, требуется редупликация: (4) *кЪелиз-кЪелиз ахварал фена* 'Читая, заснул'. Обычно как деепричастие, обозначающее добавочное действие, интерпретируют эту форму и в примерах типа (2). *кЪелиз кхъизва* можно переводить как 'Читая, записывает', но по грамматической семантике точнее будет перевод 'Читает (и) пишет'. В таких примерах перечисляются чередующиеся в рамках единого периода времени действия. Показателен в этом плане пример *Къвалахал физ хквезва* 'На работу ходит (досл.: идет (и) возвращается-имеет место)'. В таких примерах мы имеем дело не с комплексами сказуемого и зависимого предиката, выраженного деепричастием, а с однородными сказуемыми, выраженными формой на -з. Такие однородные предикаты оформляются одной – общей для них модально-временной морфемой, присоединяемой к последнему глаголу по типу замыкания. Эта морфема прозрачно связана со связкой *ава* 'есть / имеет место / находится (где-либо)'. Функциональное и семантическое сходство отношений в таких группах однородных сказуемых с отношениями одновременности действий основного и зависимого предикатов сближает обсуждаемую форму с деепричастием. Однако потребность в редупликации для получения из этой единицы словоформы адвербиальной семантики свидетельствует о том, что по морфологическому содержанию это – не деепричастие.

Аутентичная интерпретация этой формы важна по следующим причинам. Во-первых, она действительно является одной из т. наз. основных: от нее непосредственно образуется четыре временные формы – две настоящего (*фи-з-ва* 'идет', *фи-з-ма* 'еще идет') и две прошедшего (*фи-з-ва-й* 'шел', *фи-з-ма-й* 'продолжал идти'), а также ряд таксисных конвербов. Во-вторых, это одна из словарных форм глагола. От точности определения ее содержания и статуса зависит описание всей парадигмы лезгинского глагола.

Как представляется, статус рассматриваемых единиц лезгинского языка, обозначаемых грамматическими ярлыками «причастие» и «деепричастие», следует интерпретировать исходя из устройства глагольной парадигмы, в которой категория вида является словоизменительной. В работах [3, 8] категория вида лезгинского языка эксплицирована как словоизменительная (формообразовательная). Между граммемами вида в ней не деривационные отношения, как в русском языке, а альтернативные.

от которого образуются все формы граммы НСВ. Эта единица сочетается с фазовостью (*кхъиз башиламина* ‘начал **писать**’, *Техилар цаз гат* / *лумнава* ‘Зерновые **сеять** начали’). Свидетельством сочетаемости форм НСВ с фазовостью является их совместимость с континуативностью (*Квала-хиз жезма* – *акван кьуъуъ хъанвач* ‘Работать **еще может** – настолько не постарел’). Сочетается лезгинский НСВ и с показателями процессности *гъеле* ‘все еще’, *гилани* ‘до сих пор’ (*Жив гъеле / гилани къвазва* ‘Снег еще / до сих пор **идет**’). Известно, что высказывания, отражающие процессные ситуации ориентированы на описание действия. Установка на описание находит проявление в самом строении форм НСВ: *къвазва* ‘идет (об осадках)’ < *къваз* + *ава* ‘идти / идя + есть, имеет место’; *къвазма* ‘продолжает идти’ < *къваз* + *ама* ‘идти / идя + продолжает иметь место’. Основная функция обсуждаемой единицы – обозначение предцизируемой ситуации в динамике ее протекания в составе описательных по своей структуре временных форм: *къугъвазва* < *къугъваз-ава* ‘играет’; *къугъвазма* < *къугъваз-ама* ‘продолжает играть’; *къугъвазвай* < *къугъваз-ава-й* ‘играл (тогда)’; *къугъвазмай* < *къугъваз-ама-й* ‘продолжал (тогда) играть’. Временные значения выражают формы связок *ава* ‘есть / имеется / имеет место’ и *ама* ‘еще есть / имеется / имеет место’. От этих временных форм образуется множество таксисных конвербов. Таким образом, т. наз. деепричастие на -з – это форма НСВ. Видовое значение и есть ее грамматическое содержание.

Отмечается, что процессной функции, «имеющей явно универсальный характер» [10, с. 117], свойственна тенденция к кодированию в грамматических средствах. В видовой оппозиции лезгинского языка кодируется именно процессная функция. Аналогично обстоит дело и в английском языке.

Словоизменительная парадигма лезгинского глагола состоит из трех рядов форм: НСВ, СВ и НОВ – неопределенного вида. Видовое значение актуализовано в рядах форм НСВ и СВ. Этим они противопоставлены ряду форм НОВ, не маркированных видом. Будущее время (7), а также образуемая от него форма хабитуального прошедшего имеют семантику гипотетичности. Для них аспектуальные значения нерелевантны, поскольку такого рода ситуации не предполагают непосредственного восприятия. Для форм с ирреальной семантикой (8–12) видовые значения не обязательны по этой же причине.

В русском языке для всех форм глагола видовое значение является обязательным, поскольку оно принадлежит не форме, а слову и входит в его лексико-семантическое содержание. Когда же видовое значение принадлежит форме, а не слову целиком, оно может проявлять себя аналогично значению времени. Временными значениями обладают формы индикатива, но они не актуальны, например, в формах ирреальной модальности. Аналогичным образом в словоизменительной категории вида видовые значения могут актуализироваться только в части граммем оппозиции. Поэтому при структурировании моделей видовых оппозиций таких языков, как лезгинский или английский, следует исходить из возможности наличия в них граммем, не маркированных видовыми значениями.

Как пишет В.А. Плунгян, в традиционных представлениях вид считался универсальной категорией, похожей на «славянский вид». При этом самой распространенной была бинарная интерпретация, сводившая категорию вида к оппозиции двух граммем, обычно называемых перфективом и имперфективом. Но даже в ряде славянских языков встречается более распространенная тернарная словоизменительная оппозиция «аорист ~ имперфект ~ перфект», похожая на романскую или греческую [11, с. 9–26].

В работе А. Агамовой [1] убедительно показано, что тернарные словоизменительные категории вида, представленные в лезгинском и английском языках, имеют сходную структурную организацию. Маркированным противоположными видовыми значениями формам НСВ (имперфектива) и СВ (перфектива) в этих оппозициях противопоставлена грамма НОВ, нейтральная в отношении вида. Специальными грамматическими морфемами кодирована в видовых оппозициях имперфек-

тивность. Ее формантами являются аффиксы: *-з /-з-* – в лезгинском и *-ing* – в английском, – за которыми закреплено только значение вида. Частеречной категориальной семантикой, свойственной причастиям или деепричастиям, эти формы не маркированы. Словоформы с этими аффиксами эксплицируются в терминах причастий и деепричастий в модели описания глагольных парадигм, утвердившейся задолго до осмысления категории вида. Развитие аспектологии, типологические наблюдения на материале различных языков демонстрируют потребность совершенствования самой модели экспликации глагольных парадигм. В рамки традиционной модели не совсем укладываются обсуждаемые единицы. Категория вида/аспекта – стержневая для парадигм глагола языков, где она представлена оппозицией именно форм, как в лезгинском или английском. В то же время, в устоявшейся модели описания глагольных парадигм её формы не получают объяснительной интерпретации.

Условность обозначения дефинициями «причастие» и «деепричастие» лезгинских словоформ, описываемых традиционно этими терминами, явственна. В интерпретациях соответствующих грамматических единиц английского языка можно наблюдать аналогичную ситуацию. Английская форма, определяемая термином *Participle I*, выступает в функциях: причастия – *Grandmother, sitting by the window* ‘Бабушка, **сидящая** у окна’; деепричастия – *While reading the letter, he thought over his answer to it* ‘**Читая** письмо, он продумывал свой ответ на него’; формы субстантивной семантики – *I was surprised by her singing* ‘Я был удивлен ее **пением**’.

Разумеется, чтобы эта форма воспринималась как причастие, деепричастие либо герундий, нужен соответствующий контекст. Сама по себе эта единица не является ни причастием, ни деепричастием, ни герундием – ее семантическая структура не содержит компонентов, присущих этим классам словоформ. В ее содержании присутствуют, на наш взгляд, только представление о действии (/ состоянии / отношении) и грамматическое значение включенности обозначаемой ситуации в течение времени, т.е. то, что называется в аспектологии имперфективностью, дуративностью, прогрессивом, протяженностью. В теории языка она обозначается тремя грамматическими ярлыками, опирающимися на варианты синтаксического употребления одной и той же морфологической единицы.

Аутентичные термины для обозначения обсуждаемых форм лезгинского и английского языков могут быть найдены при опоре на универсально-типологические представления о категории вида. В современной аспектологии универсальной признается не только функционально-семантическая категория аспектуальности, но и грамматическая категория вида. Сопоставительное и типологическое исследование сферы аспектуальности показало, что категория вида/аспекта – лингвистическая универсалия, присущая всем языкам мира, и «синонимичные термины «вид», «аспект» и «вид/аспект» передают одну и ту же когнитивно-понятийную категорию» [12, с. 266].

В словоизменительной категории вида логично ожидать иного соотношения между граммемами, нежели в несловоизменительной (русской). В ней формы НСВ, СВ и НОВ в словаре представлены одним глаголом. Между формами видов, с одной стороны, и между ними и представляющим их в словаре глаголом – с другой, отношения похожи на отношения временных форм между собой и с инфинитивом, представляющим их в словаре.

В такой словоизменительной парадигме присутствует морфологическая единица (форма на *-з* лезгинского глагола, *-ing*'овая форма английского), обозначающая действие во временной перспективе. Она служит основой для всех форм имперфективного содержания. В то же время она совместима с синтаксическими функциями таких транспозитов глагола, как причастие или деепричастие, именно в силу того, что в ней адъективная либо адвербиальная функции не кодированы. Обозначение ее грамматическими ярлыками «деепричастие» либо «причастие» не соответствует ее морфологическому содержанию.

Это, по-видимому, является не только теоретической, но и лингвометодической проблемой. Например, при обучении германским языкам русскоязычных учащихся и русскому языку носителей германских, а также дагестанских языков одним из самых сложных для осмысления фрагментов грамматик контактирующих языков оказываются их категории вида. Эти категории имеют разный грамматический статус – несловоизменяемый в русском и словоизменяемый в германских, дагестанских и других языках – и, соответственно, разную структурную организацию. В грамматиках лезгинского и английского языков обсуждаемые формы имеют неоднозначные интерпретации и, может, именно поэтому они являются сложными для осмысления. Преодолению этих трудностей может способствовать формирование целостного представления о структурной организации видовых оппозиций и словоизменяемой прадигмы глагола в целом. А для этого важно обозначить аутентичными грамматическими дефинициями одну из центральных грамматических форм. Современные представления о категории вида/аспекта изменили ситуацию – появилась возможность интерпретировать эти единицы убедительнее,

Изложенные соображения диссонируют с традиционными грамматическими описаниями. Но если учесть произошедшие за последние десятилетия изменения в теории категории вида/аспекта, эти соображения не покажутся легковесными.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Гайдаров Р.И.* Морфология лезгинского языка. Махачкала: РИО ДГУ, 1987. 159 с.
2. *Услар П.К.* Этнография Кавказа: Языкознание. VI. Кюринский язык. Тифлис, 1896. 639 с.
3. *Керимов К.Р.* Контрастивная аспектология лезгинского и русского языков : дис. ... д-ра филол. наук. М.: Ин-т языкознания РАН, 2002. 254 с.
4. *Жирков Л.И.* Грамматика лезгинского языка. Махачкала: Даггиз, 1941. 132 с.
5. *Топуриа Г.В.* Основные морфологические категории лезгинского глагола (по данным кюринского и ахтынского диалектов). Тбилиси: Изд-во АН Груз. ССР, 1959. 136 с.
6. *Талибов Б.Б.* Грамматический очерк лезгинского языка // Б. Талибов, М. Гаджиев. Лезгинско-русский словарь. М.: Советская энциклопедия, 1966. С. 537–603.
7. *Пешковский А.М.* Русский синтаксис в научном освещении. 7-е изд. М.: Учпедгиз, 1956. 510 с.
8. *Агамова А.А.* Сравнительная типология видовых оппозиций русского, лезгинского и английского языков : дис. ... канд. филол. наук. Махачкала: ДГПУ, 2011. 176 с.
9. *Плунгян В.А.* Общая морфология: Введение в проблематику. М.: Эдиториал УРСС, 2000. 383 с.
10. *Бондарко А.В.* Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии. Л.: Наука, 1983. 208 с.
11. *Плунгян В.А.* Об универсальной категории аспекта // ACTA LINGUISTICA PETROPOLI-TANA. Труды Института лингвистических исследований РАН. Т. VIII. Ч. 2. Исследования по теории грамматики. Вып. 6: Типология аспектуальных систем и категорий / отв. ред. В.А. Плунгян. СПб.: Наука, 2012. С. 9–26.
12. *Черткова М.Ю.* Типология категории вида / аспекта в русском и шведском языках // Русский язык: исторические судьбы и современность. II Международный конгресс исследователей русского языка. Труды и материалы. М.: Изд-во МГУ, 2004. С. 266–267.

Поступила в редакцию 12.05.2021 г.
Принята к печати 26.06.2021 г.